

йылме 'родой язык', *вуйлатыме паша* 'руководимая работа', *илыме вер* 'жилище' (стр. 144).

Указанные недочеты не имеют принципиального значения, поэтому не снижают ценность рецензируемой работы.

Исследование Ю. В. Андуганова, несомненно, является ценным вкладом не только в марийское, но и в финно-угор-

ское языкознание в целом. Оно имеет как теоретическое, так и практическое значение. Выделенные признаки и свойства определенных сложных существительных во многом помогут решению трудных вопросов правописания композит, составлению словарей и, наконец, обогащению словарного состава литературного языка.

ЕЛИЗАР МУСТАЕВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.2.11>

В. А. Ляшев, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1975.

17 октября 1977 г. в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР В. А. Ляшевым по теме «Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук А. И. Туркин (Таллин). Диссертация выполнена под руководством доктора филологических наук профессора В. И. Лыткина в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР.

Исследование В. А. Ляшева посвящено своеобразному и до сих пор малоизученному вымскому диалекту коми языка. Данный диалект распространен в бассейне р. Вымь на территории с населением свыше 37 тысяч человек, причем сельское население составляет 16 тысяч (по переписи 1970 г.).

Через территорию, занимаемую в настоящее время вымичами, в глубокой древности проходил один из важнейших речных путей, связывавших Северную Европу с Северной Азией. Вымь долгое время была основной артерией, по которой проходили сношения с северным Зауральем, шло заселение бассейнов Ижмы, Вишеры и верховьев Вычегды. Вымскому диалекту было суждено стать своеобраз-

ным «переходным мостиком» между двумя крупными диалектами коми языка — нижневыхгодским и ижемским, он послужил основой для верхневыхгодского диалекта. Поэтому в языке вымичей развились черты, характерные для этих трех диалектов. Изучение своеобразных переплетений переходного типа во многом помогло бы точно установить направление движения коми в период формирования их народности. Вот почему выбор В. А. Ляшевым вымского диалекта в качестве темы для кандидатской диссертации заслуживает всяческого одобрения. Такая работа нужна не только языковедам, но и специалистам по коми истории и культуре.

Работа основывается на материале, собранном автором во время экспедиций 1971—1975 гг. в 25 населенных пунктах. При изучении диалекта использованы также архивные материалы и фольклорные тексты, хранящиеся в архиве Коми филиала АН СССР.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и приложений.

Во введении (стр. 7—27) определяется тема исследования, приводятся сведения об изученности диалекта и краткий очерк истории формирования диалекта и этнической группы вымичей. Кандидатская диссертация Т. И. Фроловой (Жилиной) «Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка» (1951 г.) была посвящена особенностям именных категорий в говоре четырех населенных пунктов по сравнению с коми литературным языком. Локальная лексика,

описанная Т. И. Фроловой, вошла в «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар 1961). Отдельные характерные признаки диалекта нашли отражение в работах В. И. Лыткина и Д. Фокоша-Фукса.

В. А. Ляшев отмечает, что исторически и этногенетически вымские коми являются потомками Перми вычегодской, известной с XI в. Формирование и развитие диалекта протекало на протяжении около тысячи лет. За это время в вымском диалекте выработались единые с общекоми языком грамматические нормы. В структуре диалекта, кроме того, выделяются северо-западные языковые элементы, характерные для диалектов Ижмы, верхней и нижней Вычегды. Введение удачно завершает таблица «Динамика движения населения на Выми в XVII—XVIII вв.». Текст снабжен четырьмя аккуратно выполненными схематическими картами.

В первой главе «Фонетические особенности вымского диалекта» (стр. 28—88) на основе проведенных автором экспериментов описаны фонемы и характерные фонетические явления. Учтены также данные других ученых по экспериментальному исследованию коми диалектов. Следует отметить, что в экспериментальном плане вымский диалект вообще не изучался.

В разделе «Вокализм» (стр. 28—53) В. А. Ляшев детально рассматривает гласные фонемы, их употребляемость, отмечает случаи отклонения от литературных норм. В связи с описанием фонем он дает дистрибутивное распределение каждого звука в структуре слова.

Как основную черту вокализма рассматриваемого диалекта В. А. Ляшев отмечает наличие дополнительных, т. н. связанных фонем. В вымских говорах при определенных условиях наряду с краткими гласными *i, e, ī, ē, u, o, a* утвердились долгие «связанные» гласные *ē, ī, ē̄, ū, ō*. Такая система вокализма характерна для ряда говоров верхневычегодского и ижемского диалектов.

Несмотря на то что долгие гласные уже не раз служили предметом исследования, автору удалось собрать и проанализировать большой новый материал. Опираясь многими примерами, он убедительно показывает дистрибуцию функцио-

нирования «связанных» фонем. На наш взгляд, вполне обоснован вывод о развивающемся характере их функционирования, об устойчивости данного явления. «Связанные» фонемы выступают и в начале, и в середине, и в конце слова. Весьма ценен подробный инструментальный анализ их.

Специфично в вокалической системе описываемого диалекта появление рефлекса заднерядного закрытого *o*, функционировавшего в древнепермском языке: *suskini* (лит. *соссыны*) 'опираться, откаться', *ruž* (лит. *розь*) 'отверстие'.

Большой интерес в разделе «Модификация гласных звуков» (стр. 53—55) представляет рассмотрение частичной ассимиляции по линии лабиализации, т. е. конечная гласная основы *o* может ассимилировать последующую смежную гласную *e* окончания или суффикса: *voomid* (лит. *воомыд*) 'ты пришел, оказывается', *loomo* (лит. *лоома*) 'стало'.

Система согласных подробно описывается в разделе «Консонантизм» (стр. 55—81). Как и в литературном языке, в вымском диалекте употребляется 26 согласных фонем: *b, p, v, g, k, d, d', t, t', j, z, ž, ž', š, š', l, l', m, n, ŋ, r, s, š, č, č'*. В позднейших русских заимствованиях встречаются дополнительные фонемы *c, f, h*. На основе данных палатографического и рентгенографического исследований в диссертации подробно описаны согласные. Характеристика каждого звука сравнительно полна. По артикуляции и акустическим признакам согласные фонемы не отличаются от соответствующих согласных литературного языка.

Из фонетических явлений консонантизма наиболее интересно проанализированы палатальные аффрикаты. До настоящего времени оставалась неясной их физическая характеристика, в первую очередь природа этих согласных как элемент фонологической системы. Автор при помощи палатографирования и рентгенографирования выявляет их природу, устанавливает в них соотношение смычного и взрывного компонентов: на верхней Выми взрывная часть согласного произносится несколько длиннее щелевой, в низовьях — примерно одинаково.

В отличие от литературного языка аффрикаты вымского диалекта подверже-

ны значительным фонетическим изменениям. На интересных примерах В. А. Ляшев показывает процесс деаффрикатизации звонких аффрикат перед зубными согласными: $\check{z} > \check{z}$, $\check{s}$ (*ižda, išta*, ср. лит. *vidžta* 'величиной с'); $\check{z} > d'$, jd , $\check{z}$ (*gižema sid' da*, ср. лит. *gijžōma cidz da* 'написано так да'; *viž nimjasis*, ср. лит. *vidz nimjasye* 'названия лугов') и $\check{c} > \check{s}$ (*leštan*, ср. лит. *lechtan* 'точило, брусок').

По наблюдениям автора, в некоторых говорах диалекта переднерядные гласные *i, e* оказывают сильное палатализирующее влияние на заднерядные *g, k*, в результате чего согласные *g, k* подверглись качественному сдвигу (*g, k → d', t*): *d'id* (лит. *gid*) 'хлев', *terka* (лит. *kerka*) 'изба'. Подобное явление характерно и для пограничного нижевычегодского диалекта. Утверждение о том, что это могло произойти под определенным влиянием русской речи, заслуживает внимания, так как вымский и нижевычегодский диалекты в течение нескольких столетий находились в сфере влияния русского языка.

В. А. Ляшев подробно описал диалектную специфику ударения (стр. 81—88). Вымское ударение довольно свободное, но имеется тенденция выделения первого слога. Однако спорадически наблюдается особая акцентуация гласных первого слога. Под таким ударением чаще оказываются *a*-овые и *e*-овые слоги. В работе сделан правильный вывод о том, что в диалекте сохранилась более древняя система коми ударения, когда в ходе закрепления оно падало на гласные большой звучности.

Морфология — одна из наиболее слабо разработанных областей коми диалектологии, поэтому внимание автора к морфологическому строю изучаемого диалекта вполне оправдано. Глава «Морфологические особенности диалекта» (стр. 89—183) построена соответственно традиционной грамматике и состоит из девяти разделов. Начинает ее анализ имени существительного и заканчивает анализ служебных частей речи. Все части речи диалекта имеют те же грамматические категории, что и литературный язык, существенные морфологические особенности вымского диалекта заключаются в формах выражения известных категорий.

Автор отмечает, что некоторые падежи в диалекте оформлены иначе, чем в литературном языке, например, эггесив на *-išež̄* (*-išež̄*) и номинатив-аккузатив на *-li*.

Рецензент согласен с автором, что суффикс *-išež̄* вторичен и возник в результате контаминации окончаний элатива *-is* и терминатива *-ež̄*.

Функционирование формы на *-išež̄* не аномально, форма известна и в других коми диалектах, однако распространение ее в коми диалектологии до сих пор не уточнено.

Основные моменты падежного формата *-li*, выступающего в вымском диалекте как оформитель имени в роли подлежащего и прямого объекта, автором освещены в специальной статье.¹ В. А. Ляшев на основе нового материала, с привлечением данных древнекоми языка, освещает историю этого формата. Встречающийся в вымском диалекте форматив *-li* не несет в себе грамматической значимости, а только придает слову усиительно-выделительное и определительно-указательное значение.

В разделе, посвященном прилагательному (стр. 100—104), обращает на себя внимание выражение высшей степени качества с помощью следующих слов: *samej* 'самый', *ber, doza, zej, zē, taškej* 'очень', а также при помощи аналитической конструкции: *huriš kiñž̄i* 'очень хороший', *lokis lok* 'очень плохой'.

Большой интерес представляет целый ряд ныне непродуктивных суффиксов образования прилагательных: *-id, -gem, -ed, -sa, -sō, -eš, -is, -eb, -eg, -iš, -ir*. Поскольку перечисленные суффиксы известны в большинстве коми диалектов, то можно предположить широкое функционирование их в древнепермском языке. Об этом говорит и тот факт, что примерно треть всех прилагательных с перечисленными суффиксами представляет собой основу с неясной морфологической структурой, суффиксы уже не отделяются от корня, а корень не поддается самостоятельно-

¹ В. А. Ляшев, Некоторые дистинктивные признаки северного нуль-элового ареала коми языка. — СФУ XIII 1977, стр. 119—121.

му осмыслению, например: *pajěš* 'широкий', *zumid* 'крепкий', *gargem* 'быстрый', *pežgir* 'загнутый кверху' и др. Анализ данных суффиксов имеет немаловажное значение для исторической грамматики коми языка.

Несложной раздел об имени числительном (стр. 105—108) содержит специфические диалектные явления. Например, для первого десятка характерно в позиции определения удваивание в целях усиления и подчеркивания обозначаемого количества: *kika-kik lun* 'два дня', *kojmeđa kojmeđ pē* 'третий раз'.

Подробный анализ местоимений удачно дополняют таблицы склонений личных и притяжательных местоимений (стр. 110—115).

В разделе «Глагол» (стр. 118—157) наиболее интересно, по мнению рецензента, рассмотрен инфинитив, который сохранил многие черты общепермского состояния. В диалекте шире употребляется древняя форма инфинитива на *-iñi*: *lañtini* (лит. *ланьтны*) 'замолчать'. В описываемом диалекте шире употребляются лично-притяжательные суффиксы инфинитива: *-niam*, *-niad*, *-nias*, *-nianim*, *-nianid*, *-nianañis*. В переходном говоре и говоре на средней Выми встречаются также *-niñe*, *-niñse*. По мнению автора, инфинитивные лично-притяжательные суффиксы имеют определенно-указательное и усилительно-выдлительное значение, а также выполняют артиклевую функцию. В сфере глагольных форм привлекает внимание сочетание инфинитива с послелогом *petni vije* 'для выхода', *bošni vije* 'для того, чтобы взять'. Однако эта интересная конструкция, как пишет автор, бытует только в речи старшего поколения, менее знакомого с нормами литературного языка. Следует отметить, что проблема инфинитива, выяснение его роли в грамматическом строе представляет большой интерес в плане общего финно-угроведения.

Раздел о служебных частях речи (послелог, частицы, союзы) написан на хорошем теоретическом уровне и богатом фактическом материале.

В приложении даны 1) условные сокращения коми диалектов и говоров (стр. 190); 2) библиография, которая включает 150 названий специальных лингвистических и историко-этнографических трудов,

а также архивных материалов (стр. 191—202); 3) палатограммы согласных звуков (в натуральную величину) (стр. 204—212); 4) транскрибированные тексты с переводом на русский язык (стр. 214—242); 5) топонимия бассейна р. Вымь (стр. 244—267).

В диссертации, выполненной в целом на высоком научно-теоретическом уровне, встречаются некоторые ошибки и недочеты.

На стр. 7 упоминается «Полный Русский-зырянский словарь» Н. Попова, правильное название которого — «Полный Русско-Зырянский словарь».²

На стр. 34 в качестве характерной черты диалекта приведены слова *arzi* 'холщевый сарафан', *jiki* 'ость', *jodi* 'лещ', *šabdji* 'конопля', *šobdji* 'пшеница' и др., в которых в первом слоге встречается *i*. Вывод автора о том, что «во всех коми диалектах здесь на месте вымского *i* корреспондирует *i*» не соответствует действительности. По данным ССКЗД, *arzi* встречается в нижневыхегодском диалекте, *jiki* — в ижемском, печорском, среднесысольском, *jodi* — в верхневыхегодском, ижемском, летском, нижневыхегодском, а для вымского диалекта приведена форма *jodi*. *šabdji* и *šobdji* встречаются в верхнесысольском, ижемском, нижневыхегодском и удорском диалектах.

Приведенный на стр. 55 пример на отсутствие долгих согласных фонем *akka* 'крестная мать' неудачен. Данное слово считается прибалтийско-финским заимствованием, ср. кар. *akka* 'старая женщина, жена' (КЭСК).

В разделе «Служебные части речи» не рассмотрено междометие.

В работе недостаточно последовательно употребление терминов. В одном случае автор пишет о саамском языке (стр. 45), в другом — о лапландском (стр. 145). На стр. 121 говорится о марийских языках, а на стр. 159 речь идет о марийском языке.

Перечисленные недостатки не снижа-

² А. Туркин, Русско-зырянский словарь Н. П. Попова. — СФУ XII, 1976, стр. 293—299; его же, О втором варианте русско-зырянского словаря Н. П. Попова. — СФУ XIII, 1977, стр. 293—296.

ют научной ценности рассматриваемого труда. Они легко исправимы.

На основе детального и всестороннего изучения обширного фактического материала В. А. Ляшев дает полное (на фонетическом и морфологическом уровнях) описание одного из окраинных диалектов коми языка. Его работа позволит по-новому подойти к проблеме взаимодействия диалектов и литературного языка, к практике преподавания родного языка в

школах, к составлению методических и учебных пособий для вузов республики.

Таким образом, работа В. А. Ляшева представляет собой ценное исследование по коми диалектологии и, несомненно, вызовет большой интерес среди финно-угроведов. Она завершает серию монографических описаний диалектов коми-зырянского языка, предпринятую Коми филиалом АН СССР.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

BERATUNG IN UŽGOROD ÜBER SPRACHKONTAKTE

Einer der Punkte der auf der XV. Unionskonferenz der Finnougrieten (Petrozavodsk 1974) gefaßten Resolution fixierte das Bedürfnis nach einer Beratung mit einer konkreteren Thematik in der Zeitspanne vor der Folgekonferenz und setzte auch die Zeit und den Ort eines derartigen Unternehmens fest. Das ist die Vorgeschichte der Užgoroder wissenschaftlichen Beratung vom 27.—30. Okt. 1977.

Die Organisatoren der Užgoroder Beratung waren das Sowjetische Finnougrietenkomitee, das Institut für Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und die Užgoroder Staatliche Universität. Die Thematik wurde folgendermaßen formuliert: die Erforschung der finnisch-ugrischen Sprachen und Literaturen in ihrer Verbindung mit den Sprachen und Literaturen der Völker der UdSSR.

Die Beratung begann mit der Plenarsitzung, der die Arbeit in drei Sprachsektionen und in einer Literatursektion folgte. Professor P. Lizanec, Leiter des Lehrstuhls für ungarische Philologie an der Užgoroder Universität, behandelte in seinem Vortrag auf der Plenarsitzung theoretische Probleme der gegenseitigen Beeinflussung der Sprachen. Da in bezug des Begriffes des Sprachkontakts unter den Autoren keine Einigkeit herrscht, legte P. Lizanec seine eigene Interpretation dieses Begriffes dar: der Sprachkontakt ist als eine reale und unvermeidliche Tatsache der Wirklichkeit ein gesellschaftlicher Vorgang, der die zwischen den Sprachen bestehenden Beziehungen kennzeichnet, wobei

man unter Beziehungen die Einheit sowohl der individuellen Sprachgegebenheiten als auch der außersprachlichen Tatsachen verstehen muß.

Dr. phil. K. Majtinskaja (Moskau) hob in ihrem Vortrag auf der Plenarsitzung die Bedeutung entlehnter Elemente bei der Bildung der Komparationsstufen in den finnisch-ugrischen Sprachen hervor. Da im Sprachbewußtsein der Finno-Ugrier das Bedürfnis nach Unterscheidung der Komparationsstufen erst nach der Aufspaltung ihrer Ursprache entstand, haben an diesem Prozeß den verwandten wie nichtverwandten Sprachen (den slawischen, den Turksprachen) entlehnte Elemente — Suffixe und Präfixe — teilgenommen.

Das Organisationskomitee hielt es für zweckmäßig, die sprachwissenschaftlichen Vorträge in drei Sektionen anzuhören: 1) in der Sektion für Lexikologie, 2) in der Sektion für Phonetik und Grammatik und 3) in der Sektion für Sprachgeschichte und Onomastik. Im folgenden soll kurz über die Probleme, die die Linguisten auf der Beratung behandelten, berichtet werden.

In der Sektion für Lexikologie wurden Kontakterscheinungen im Wortschatz der mordwinischen Sprachen, des Marischen, Ungarischen, Udmurtischen, Finnischen, Estnischen und Wepsischen erörtert. Über die Gesetzmäßigkeiten der semantischen Assimilation der Tatarismen im Udmurtischen sprach I. Tarakanov (Iževsk). Die andauernden Kontakte der mordwinischen Sprachen mit dem Russischen und mit den Turksprachen haben die Entstehung von